

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЕТ

Тяжелый, прекрасно изданный том "И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы", вышедший в Санкт-Петербурге, подготовлен к печати Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.

Для нас, курян, он особенно интересен: среди многочисленных публикаций в нем есть три очерка, раскрывающих малоизвестные страницы отношений двух крупных русских художников - Ивана Сергеевича Тургенева и нашего земляка Афанасия Афанасьевича Фета. Многолетние, они пережили разные периоды - близости и приятия, охлаждения и полного разрыва. По воспоминаниям современников и переписке, исследуемых в книге, можно судить, какую роль каждый из них сыграл в творчестве другого.

В 1853 году Фету, служившему кавалеристом, удалось перевестись из провинции в лейб-уланский полк под Петербургом. Он быстро сходится с сотрудниками некрасовского "Современника" - Дружининым, Тургеневым, Боткиным, Гончаровым, Львом Толстым и Анненковым и, наконец, обретает так нужное ему общение.

В ту пору Тургенев высоко ценил его поэзию. "Что вы мне пишете о Гейне? - пишет он Фету в 1855 году. - Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его".

В сентябре 1859 года Иван Сергеевич по просьбе Фета привез из-за границы собрание стихотворений персидского поэта Гафиза в переводе немецкого поэта и философа Георга Фридриха Даумера. Фет принял за перевод. "Дело в том, - писал он Дружинину, - что я в настоящее время Гафиза, то есть читаю и перевожу эту прелестную розу Ирана".

Итак "... Я в настоящее время Гафиз?" Как тонко нужно чувствовать поэзию другого, чтобы так написать? Послушаем обоих. Гафиз:

*Сашло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
Гафиз, зачем мечтаешь,
Что сам творишь ты песнь свою?
С предвечного начала
На лилиях и розах
Узор ее волшебный
Стоит начертанный в раю!"*
А вот Фет:

*Не так ли я, сосуд скудельный,
Держу на запретный путь...
Стихии гордой запредельной
Стремлюсь хоть каплю зачерпнуть?*

Как видим, природу своего дара поэты рассматривают как данное свыше, нечто запредельное, а себя как "сосуд скудельный", способный уловить и выразить послание небес.

Магомед-Шамзеддин, солнце веры, по прозвищу Гафиз, родился в Ширазе и жил в нем с первого до последнего десятилетия XIV века. Был дервишем, знатоком Корана, имел свою школу и попил все плотское, и вдруг на старости лет отказывается от всего этого и начинает воспевать красоту жизни и природы, что изначально было свойственно неподдельной свежести поэзии Фета. Он мечтает связать "восточный букет" из стихов Гафиза, и к концу 1859 года этот "букет" сплетает из 35-ти газелей. Труд со стихами он передает на суд Тургеневу.

Чтение стихов состоялось в его петербургской квартире перед Дружининым и Анненковым. Суд был суровым - часть стихов признана безукоризненной, были стихи, требующие поправки, и совсем отвергнутые.

Фет нелегко согласился с этим решением, что видно из переписки с Тургеневым, но отныне все выходящее из-под его пера Фет будет посылать Тургеневу. В феврале 1860 года он напишет поэту: "Переводы ваши из Гафиза на сей раз очень хороши..."

Итог творческого общения двух художников - "букет" восточной лирики из мировой сокровищницы, ставший доступным русскому читателю в переводах нашего земляка.

Сам Фет писал в предисловии к стихам: "Представляя на суд истинных любителей поэзии небольшой букет, связанный в моем переводе из стихов персидского поэта, считаю нелишним сказать несколько слов, могущих спомоществовать верному воззрению на предлагаемые пиеси. Не зная персидского языка, я пользовался немецким переводом, составившим переводчику почетное имя в Германии... И я старался до последней крайности держаться не только смысла и числа стихов, но и причудливых форм газелей..."

В очерке "Тургенев и Фет: к творческой истории стихов и детей" А. В. Успенская исследует роль яркой, неординарной личности Фета на воплощение образа Николая Петровича Кирсанова в тургеневском романе. Старшеклассники, изучающие это произведение,

очень удивились бы, узнав, что и деревенская тема в романе, и образ отца обязаны Фету.

Летом 1860 года Фет покупает во Мценском уезде заброшенный хутор Степановка и становится фермером. Решает осесть в Ясной Поляне и заняться хозяйством Лев Толстой. Веяние времени - мечтает вернуться из Франции в Россию и осесть в Спасском-Лутовинове Тургенев.

Великий труженик и романтик, Фет начинает трудиться над своей Степановкой, Тургенев садится за роман "Отцы и дети". О том, что происходит в Степановке, он хорошо знает из писем Фета и общего друга И. П. Борисова. О первом опыте работы на земле Фет размышляет в очерках "Записки о вольнонаемном труде" и "Письмах из деревни", которые публикует в столичных журналах. Приезжает сюда сам. И все, что описано Фетом и увидено - и постройка дома, и копанье прудов, и закладка сада, и трудные отношения с наемными работниками, находит отражение в романе. Сравните: оба имения - фетовская Степановка и Марьино Кирсановых - находятся в безлесной степи. Хозяйственные заботы Николая Петровича те же, что и реальные мытарства Фета. Это, по сути, краткий конспект фетовских "записок", пишет Успенская. Какие же выводы делают оба из этой ситуации?

Фета удручает, что, освободившись от барщины, крестьяне трудятся по найму подоплачивают и воруют, загоняют хозяйских лошадей, портят сруб, шантажируют нанимателя и нарушают договор. Фет, почти обездоленный скиталец, не имевший ни земли, ни крестьян, ни потомственного дворянства, размышляя над этим, приходит к выводу, что нужна иная культура труда, что у дворянства, владевшего столько веков крепостными душами, есть долг перед ними и перед землей.

По Фету все равны перед законом. Наниматель должен создать нормальные условия для работы, платить и хорошо кормить, а нанимаемый - честно работать. Результат разительный - за десять лет тяжелейшего труда он как-то научился устраивать отношения с крестьянами и превратил заброшенный хутор в процветающее хозяйство.

Спасское-Лутовиново Тургенева пришло в упадок, крестьяне обнищали, земли заросли, а герой романа отчалился.

Это - личный опыт автора. Столбовой дворянин Тургенев, приветствовавший реформы Александра II в самом начале как дело, которое "растет, ширится, движется", заставили его распрощаться со многими иллюзиями по поводу народа. В 1862 году он написал А. И. Герцену, что народ "носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, в теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отращиванием ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности - что далеко оставит за собой все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах".

Фет приветствует ростки нового в деревне, с восторгом рассказывает о "самостоятельной усердной догадке артельщика Михайлы" среди тупого непонимания". Тургенев, выведя в романе нигилиста Базарова, скептически усмехается. Не отсюда ли начались идейные расхождения соседей, вылившиеся позже в разрыв отношений?

Есть пример правоты нашего земляка, более близкий курскому читателю, - фетовская усадьба в селе Воробьевка, куда мы ездим каждый год в светлый день его рождения. С парком, прудами, уютным плетнем домом, ухоженными полями и фермой породистых лошадей, в которых он, бывший кавалерист, понимал толк. Здесь написаны эти строки:

*Лепечет лишь фонтан среди дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О ночь осенняя, как всемогуща ты...*

Или эти:
*Внизу померкший сад уснул, - лишь тополь дальний
Лишь грезит в вышине, и ставит лист ребром...*

Запустение, в которое превратился этот некогда цветущий уголок, убеждает, как был прав Афанасий Афанасьевич, утверждая, что земле нужен рачительный хозяин. Подводя итоги исследования, Успенская делает вывод: "Крупный землевладелец, столбовой

дворянин тяготился своим долгом, не умел его выполнить, а Фет, к которому Тургенев относился несколько снисходительно, считая его "милым малым", превосходным, забавным, по-своему весьма умным, в выполнении этого долга преуспел". История Фета, возможно, служила Тургеневу мучительным напоминанием о том, что сам он навсегда распрощался со Спасским.

Те, кто был в областном краеведческом музее, могли видеть в одной из витрин тяжелую металлическую цепь: такие цепи в пору реформ Александра II носили на груди мировые судьи. Носил ее и Афанасий Фет. В конце 1867 года, преуспев в Степановке, он был избран земским собранием судьей 3-го участка Мценского уезда.

Институт мировых судей в России только начал формироваться. Он вносил право в жизнь русского общества. Тургенев приветствовал новый вид деятельности поэта: "Я очень рад избранию Фета, - писал он Борисову, - и уверен, что из него выйдет отличный судья". Сам Фет понимал это так: "Дать народу вместо канцелярских волоки - суд скорый, милостивый к пострадавшему, а потому самому и правый".

Эта страница в жизни поэта мало изучена, поэтому публикация Л.И. Черемисиновой "Фет и Тургенев. Записки судьи" вызывает большой интерес. Фет переживает творческий взлет, как в деле со Степановкой. "Не поэтический", но озаренный светом идеала", - пишет автор.

В одном из писем из деревни он признается: "Если можно чему-либо удивляться в характере нашего народа, то это не воображаемой костности, а действительной, несомненной способности сживаться с новыми, необычными формами и условиями жизни... Возьмем мировые учреждения, считающие свое существование в нашей стране даже не месяцами, а только днями. Что же мы видим? В стороне от всякого правильного почтового сообщения конверты и повестки летают по всем направлениям, без нового обременения для обывателей. Прощения и жалобы поступают в новые учреждения со всех сторон, и явно не поступили бы нигде, не появившись эти учреждения. Этого мало: многие уже успели ознакомиться с правами, предоставленными им новыми законоположениями. Спрашивается: это ли костность?"

По долгу службы Фет вел записи дел. В литературных архивах хранится 57 папок с такими делами. Их опись поражает количеством и разнообразием тем: "По обвинению конторщика г-жи Протасовой Тихона Словянского в том, что приехал к мировому судье на сапожной лошади", о взыскании штрафа за оскорбление действием, о притеснении подрядчиком, о краже лошадей, порубке леса, яблонь, лип.

Весь спектр народной жизни проходил перед его глазами! Своей "поэтической рукой" он писал об этом Тургеневу. И однажды в письме от 13(25) января 1869 года Тургенев посоветовал ему: "Вам непременно надо написать свои мемуары и записки как судьи. И когда я приеду весной в деревню - в Степановку - Вы должны уже мне прочесть несколько отрывков. Славно будет!"

Фет начал вести "Записки судьи". Напечатаны отдельной книгой они не были. Но подготовленные для нее очерки Фет послал Тургеневу в Париж вплоть до 1874 года, когда их отношения прекратились.

Мы можем судить о записках по мемуарной книге поэта "Мои воспоминания". Разбирая письма Тургенева, он некоторые сюжеты вводит в нее. Сценки из народной жизни он описывает ярко и талантливо. Они составили V главу второго тома мемуаров, судьба остальных сюжетов неизвестна.

В воспоминания вошло всего 22 рассказа из судебной практики поэта - картинки с натуры, документальные свидетельства ушедшей эпохи.

Итак, три сюжета из жизни яркого, неординарного человека, расширяющие представление о его личности. Наше знакомство с ним начиналось со школьного:

*Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся...*

А его творчество на земле искажалось, подвергалось критике и умалчивалось. Так случилось, что в пореформенной России, набухавшей революцией и терроризмом, Фет предпочел заняться делом, чем звать к топору. Его, никогда не владевшего ни одной крепостной душой, либеральная публицистика заклеймила крепостником. Вопреки бульварным пискам, делавшим имя на высмеивании поэта, он преуспел. Что, по сути, было укором для Тургенева, да и многих других.

Осмыслив и обобщив свой опыт, Фет оставил нам как завещание честный, выстраданный рассказ об этой поре своей жизни в "Записках о вольнонаемном труде" и "Письмах из деревни", которые ждут своего издателя.